

П Р И Б А В Л Е Н І Я
КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.)

СЕНТЯБРЯ 15.

№ 18.

1884 ГОДА.

С Л О В О

въ день Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича (*)

Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы.
(Матѣ. XI, 28).

Эти слова глубочайшаго и всеобъемлющаго человеколюбія Божественнаго Спасителя поистинѣ были величайшимъ радостнымъ благовѣстіемъ для безчисленныхъ милліоновъ людей древняго міра. Что представлялъ этотъ міръ въ отношеніи общественной жизни? Господство физической и матеріальной силы надъ нравственною, полную безправность и раболѣпство людей низшихъ классовъ предъ высшими,—тамъ закономъ была сила, а притѣсненіе слабыхъ сильными считалось славою и торжествомъ. Чувственныя удовольствія, мірская сила и власть, изобиліе въ средствахъ къ удовлетворенію самолюбивыхъ пожеланій были самою главною задачею и цѣлію жизни, и ими измѣрялось счастье человѣка. *Все, еже въ міръ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская—*

(*) Произнесено въ Вологодскомъ кафедральномъ Софійскомъ соборѣ при архіерейскомъ литургійномъ служеніи 30-го Августа, 1884 года.

(1 Иоан. 11, 16), эти слова Апостола Иоанна Богослова какъ нельзя болѣе и яснѣе изображаютъ нравственное состояніе и направленіе того міра. Когда не возбуждены, не развиты и не осмыслены въ людяхъ высшія нравственныя стремленія, когда вѣчныя духовныя блага остаются для нихъ какъ-бы неизвѣстными, тогда всѣ мысли и желанія ихъ естественно ограничиваются одною только землею и видимыми ея благами, и къ нимъ однимъ является исключительная привязанность. Тогда каждый человѣкъ стремится къ большому и большому расширенію круга чувственныхъ удовольствій и дѣлается нравственно-неразборчивымъ въ средствахъ къ достиженію ихъ. Этимъ чувственнымъ направленіемъ жизни и нужно, главнымъ образомъ, объяснять тотъ грубый, жестокій деспотизмъ, то презрѣнное и мучительное рабство, исторія которыхъ всегда такъ сильно поражаетъ сердца читающихъ ее. И кто познакомится съ нею болѣе подробно, тотъ найдетъ весьма много основаній весь дохристіанскій міръ назвать варварскимъ, несмотря на всѣ науки, искусства и художества, а также цивилизацію и культуру, за которыя онъ нѣкоторыми прославляется. Да и можно-ли дать нравственную цѣну учености въ родѣ, на примѣръ, Іудейскихъ книжниковъ и фарисеевъ, которые, гордясь ею, строили на ней однѣ только свои привилегіи въ обществѣ, свои притязанія на славу и власть и въ тоже время презирали простой некнижный народъ, называя его за то *проклятымъ*, (Іоан. VII. 49.), хотя бы это незнаніе и необразованность зависѣли не отъ нихъ самихъ, а отъ житейскихъ обстоятельствъ, не дающихъ часто ни средствъ, ни времени заниматься наукою? Можетъ-ли удержать предъ пронизательнымъ, безпристрастнымъ судомъ свое достоинство политическая мудрость Римлянъ, по устроенію которой двѣ трети людей лишены были человѣческихъ правъ, и должны были влечь самую жалкую, забитую и мучительную жизнь въ угоду празднолюбцевъ, умножавшихъ и усложнявшихъ свои прихоти до чудовищныхъ размѣровъ? Согласится ли человѣкъ съ чистымъ сердцемъ и неиспорченною совѣстію при-

знать нравственно-воспитательное значеніе за греческимъ искусствомъ и художествомъ, которыя большею частію направлены были къ тому, чтобы ласкать и услаждать *прелестныя похоти плоти* и совѣмъ почти упускали изъ виду то, что можетъ дѣйствительно ослабить и облегчить скорби и страданія бѣдствующаго человѣчества? Въ дохристіанской мудрости, политикѣ и искусствѣ все главнымъ образомъ было направлено къ тому, чтобы укрѣпить благосостояніе и увеличить пріятности чувственной жизни высшихъ классовъ, какъ будто ими одними и нужно опредѣлять счастье цѣлаго народа. Самые лучшіе мудрецы древняго міра, оставившіе намъ въ наслѣдство замѣчательные памятники глубокомыслія, стройнаго и художественнаго краснорѣчія, не обращали сочувственнаго вниманія на бѣдный страждущій народъ, и входили съ сердечнымъ участіемъ въ его положеніе считали для себя неприличнымъ и унижительнымъ. Онъ представлялся для нихъ одною только рабочею массою, которую они часто приравнивали къ домашнимъ животнымъ. Его цѣнили, имъ дорожили только тогда, когда онъ приносилъ какую либо пользу и выгоду; имъ торговали и мѣняли его на разныя вещи, совѣмъ не подозрѣвая того, что онъ имѣетъ въ себѣ разумную, бессмертную] душу, которая дороже всего міра. Люди, изможденные трудами, болѣзненныя и престарѣлыя считались недостойными жизни, ихъ или бросали на произволъ судьбы, или отдавали на съѣденіе звѣрямъ и рыбамъ....

Но вотъ къ этимъ бѣднымъ, угнетеннымъ и страждущимъ людямъ, какъ свѣтъ въ мрачную темницу, является Господь нашъ Іисусъ Христосъ *съ новою заповѣдію* о любви. Ею Онъ прежде всего желаетъ обнять ихъ, и ихъ первѣе всѣхъ призываетъ къ Себѣ словами: *Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы.* Какое трогательное, высокорадостное и чудное зрѣлище! *Пророкъ сильный словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людьми, красный добротю паче всѣхъ сыновъ человеческихъ,* Который Своимъ явленіемъ возбуждалъ удивленіе несмѣтнаго множества народа

всѣхъ состояній и классовъ, начальниковъ и подчиненныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, ученыхъ и необразованныхъ, проводить, *не зная идѣ главу преклонить*, скитальческую жизнь по стогнамъ градовъ, по скромнымъ весямъ, въ рыбацкихъ хижинахъ, или просто въ открытомъ полѣ—на горахъ, берегахъ озеръ и рѣкъ... И для чего все это?.. Чтобы не только знать, но испытать на Себѣ всѣ многообразныя нужды, тягости и страданія человѣческой жизни, чтобы войти въ преискреннее общеніе съ бѣднымъ, обремененнымъ многочисленными нуждами и скорбями народомъ и затѣмъ явиться *искуснымъ* помощникомъ и утѣшителемъ. И что еще? Чтобы удобнѣе приблизить къ Себѣ этихъ труждающихся и обремененныхъ и Самому приблизиться къ нимъ, Онъ, по благоволенію Отца Небеснаго, принимаетъ на Себя даже *зранъ раба*, и въ такомъ видѣ ведетъ бесѣды съ рыбаками, презрѣнными мытарями, является въ кругу проваженныхъ, слѣпыхъ, глухихъ и одержимыхъ всякаго рода болѣзнями, скорбями и несчастіями, и каждому изъ нихъ *непосредственно* даруетъ нужное облегченіе и утѣшеніе. Бѣдные, несчастные и угнетенные люди дѣлаются Ему сочувственными, что они явятся, по изреченію Евангельскому, вмѣстѣ съ Нимъ и въ будущемъ славномъ царствѣ Отца Небеснаго, гдѣ они будутъ окружать Его, какъ *меньшіе братья*, и отъ сочувственнаго вниманія къ нимъ и благотворительности будетъ рѣшаться вѣчная участь всѣхъ земнородныхъ, потому что все, сдѣланное для нихъ, Онъ отнесетъ къ Самому Себѣ: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ моихъ братій, Мнѣ сотвористе.*

Святые Апостолы, воспринявъ во всей полнотѣ новое ученіе Христа о любви и, подражая Его образу земной жизни, стали распространять и словомъ и дѣломъ этотъ духъ Евангельскаго милосердія по всѣмъ концамъ земли. Языческіе учителя и ораторы преимущественно являлись въ городахъ богатыхъ, въ кругу людей авторитетныхъ и славныхъ, а ученики Христовы, по примѣру своего Божественнаго Учителя, проводили свою жизнь большею

частью между простымъ, рабочимъ и угнетеннымъ разными нуждами народомъ. Такія отношенія благовѣстниковъ Евангелія къ простымъ людямъ на взглядъ ученыхъ язычниковъ представлялись странными и возбуждали въ нихъ глумленія. Но смиренные посланники Христовы знали, что дѣлали. Они долготерпѣливо и въ тоже время непоколебимо вѣрили въ побѣдоносную силу Евангельской любви.—И вотъ, безъ всякаго военнаго грома и шума, безъ всякой искусной политики и лстиваго потворства человѣческимъ страстямъ покорили ея Христу всю вселенную и внесли въ мѣръ чувства состраданія и милосердія къ бѣдствующему человѣчеству, которое такъ жестоко презиралось въ древнемъ мѣрѣ. И какое неизмѣримо благотворное преобразование мы видимъ въ людяхъ, принявшихъ и усвоившихъ это новое христіанское ученіе о любви! Въ дохристіанскомъ мѣрѣ предметами почтенія и славы были богатство, знаменитый родъ, политическая и книжная мудрость, мѣрская сила, мужество и красота. Но съ распространеніемъ христіанскаго ученія, люди, понимающіе истинный смыслъ его, стали преимущественно благоговѣть предъ подвижниками милосердія, покровителями бѣдныхъ, сиропитателями, страннопріимцами, устроителями богадѣлень и больницъ. Благодѣтели страждущаго человѣчества выставляются теперь, какъ достопамятные образы, заслуживающіе подражанія и поклоненія.—Самыя великія и сильныя лица въ христіанскомъ мѣрѣ, вельможи, цари и царицы—считаютъ священнымъ долгомъ иногда смирять себя дотогъ, что, по завѣту Христа, посѣщаютъ богадѣлни, больницы и тюрьмы, чтобы своимъ присутвіемъ и непосредственнымъ участіемъ облегчить скорби несчастныхъ. Для насъ, слушатели, особенно пріятно и поучительно, при семъ размышленіи, вспомнить слова Боговѣнчаннаго Тезоименитаго нашего Монарха въ день Священной коронаціи. Что мы читаемъ въ Его Манифестѣ? На кого Онъ прежде всего обратилъ свой милостивый взоръ въ сей высокаторжественный день? На *нуждающихся и удрученныхъ*. „Желая въ священный и торжественный для Насъ

день сей явить милость Нашу всѣмъ подданнымъ Нашимъ, Мы нынѣ обращаемся къ тѣмъ, въ особенности, *нуждающимся и удрученнымъ*, кои, по недостаточному положенію, или по несчастнымъ обстоятельствамъ, не въ состояніи были выполнить всѣхъ лежащихъ на нихъ передъ Правительствомъ обязательствъ; не изъемлемъ отъ Царской милости Нашей и тѣхъ, которые впали въ противозаконныя дѣянія по заблужденію, легкомыслію и небреженію и проч.“ Кто не видитъ, что въ этомъ манифестѣ (маниф. 15 мая 1883 г.) вѣтъ духъ христіанской любви и отражается примѣръ нашего Божественнаго Спасителя, Который первѣе всего желалъ успокоить *труждающихся и обремененныхъ!* Можно ли думать, чтобы люди въ моментъ счастья и свѣтлаго торжества сами по себѣ могли нарушать радостное настроеніе своихъ сердець представленіями о бѣдности и несчастіяхъ людскихъ? Нѣтъ.— Водясь естественными склонностями, мы всегда стараемся въ это время какъ можно менѣе вспоминать и говорить о страданіяхъ человѣческихъ, чтобы тѣмъ не разстроить мирное, счастливое состояніе души и, поступая иначе, мы тѣмъ самымъ нарушили-бы даже одно изъ правилъ житейской свѣтской мудрости. Далѣе, преступники божескихъ и человѣческихъ законовъ, нарушители правды и порядка общественной жизни всегда и у всѣхъ народовъ вызываютъ презрѣніе, отвращеніе и месть. Точно въ такомъ положеніи они находились и среди Іудейскаго народа. И если теперь они встрѣчаютъ въ христіанскихъ обществахъ милостивое состраданіе и вызываютъ заботы объ улучшеніи ихъ быта, то въ этомъ опять нельзя не видѣть подражанія примѣру Божественнаго Спасителя, Который не гнушался обращаться съ грѣшниками всякаго рода, велъ душеспасительныя бесѣды съ мытарями и блудницами, сбѣжалъ разбойнику рай и молился за своихъ распинателей. *Не здоровіи требуютъ врача, но болящіе. Я пришелъ призвать не праведныхъ, но грѣшниковъ къ покаянію*— (Матѣ. IX. 12. 13.), вотъ священныя слова, на основаніи которыхъ такъ много сдѣлано и дѣлается добраго и утѣшите-

льпаго для несчастныхъ и заблудшихъ въ христіанскихъ обществахъ!—Такимъ образомъ, любовь всеобъемлющая, нисходящая до милостиваго состраданія къ уничиженнымъ и презрѣннымъ въ мірѣ семъ, могла получить свое начало только во Христѣ, и этимъ она явно превосходитъ любовь естественную, или, какъ ее часто называютъ, *гуманную*. Послѣдняя большею частію ограничивается избраннымъ кругомъ людей; основываетъ свои расположенія на сходствѣ характеровъ, нравственныхъ вкусовъ, убѣжденій, образованія, условій общественной жизни и т. под. Она также часто носитъ на себѣ характеръ сословный—т. е. лица одного класса или одного круга въ общественной жизни ведутъ дружбу только между собою и помогаютъ въ нужныхъ случаяхъ только подобнымъ себѣ какъ по состоянію, такъ и по образованію. Но они часто не хотятъ знать о бѣдствіяхъ и страданіяхъ людей другихъ сословій, хотя бы эти люди находились отъ нихъ въ такомъ же близкомъ разстояніи, въ какомъ былъ отъ Евангельскаго богача бѣдный Лазарь, лежавшій у воротъ его. Тамъ и легкая бѣда производитъ сердечное сотрясеніе и вызываетъ на крупныя жертвы, а здѣсь и непосильные труды и тяжелыя страданія остаются незамѣченными и даже слезные вопли—неуслышанными. Не смотря на то, что нашъ вѣкъ называютъ гуманнымъ, и нынѣ много заботятся о просвѣщеніи и улучшеніи быта простаго народа, есть и теперь не мало лицъ, мнящихся образованными, которыя съ горделивымъ пренебреженіемъ относятся къ нему, называя его то „чернью“, то „звѣремъ“, то „благочестивою скотиною“, то другими оскорбительными названіями.—Эта, по выраженію Апостола Іоанна Богослова, *житейская гордость*, внушенная не христіанскою свѣтскою литературою, приноситъ великое несчастіе нашей родинѣ. Одержимые ею, богатые землевладѣльцы, торговцы и фабриканты расточаютъ свои капиталы на прихоти по разнымъ странамъ свѣта,—въ цвѣтущихъ городахъ Европы, Русскихъ столицахъ и другихъ большихъ городахъ,—жертвуютъ тамъ огромныя суммы на предметы, относящіяся къ области

искусствъ, эстетическихъ удовольствій, на театры, актеровъ и пѣвцовъ и т. под. и совсѣмъ не хотятъ знать о нуждахъ того простаго народа, которому собственно они и обязаны своею матеріальною силою и выдающимся значеніемъ въ общественной жизни.—А сколько среди этого народа всегда можно встрѣтить поразительныхъ картинъ ужасной бѣдности и страданій! Сколько разнаго рода нестроеній въ нравственной, общественной и семейной жизни, происходящихъ отъ невѣдѣнія путей и недостатка средствъ достигнуть того положенія, которое хотя-бы сколько нибудь отвѣчало достоинству человѣческой природы!—Вотъ гдѣ миссія для людей образованныхъ, богатыхъ умственными и матеріальными средствами и имѣющихъ свободное время! Если мы благословляемъ умныхъ труженниковъ, добывающихъ изъ земли драгоцѣнные металлы, изъ морей разныя сокровища, если мы окружаемъ славою и почтеніемъ ученыхъ естествовѣдцовъ, примѣняющихъ разнородныя стихійныя силы къ облегченію и удобствамъ нашей жизни; то несравненно больше заслужить благословенія тотъ, кто будетъ воздѣлывать духовную почву нашего народа, дастъ образованіе душамъ—по Евангельскому ученію, возбудитъ въ немъ высшія благородныя стремленія и поможетъ всѣми способами ихъ развитію и усовершенствованію.—Сколько здѣсь скрывается нетронутыхъ духовныхъ даровъ и сокровищъ!. Сколько остается силъ непродуцированными ни въ нравственномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи потому только, что эти люди не имѣютъ возможности, подъ давленіемъ угнетающихъ обстоятельствъ, получить ни животворный свѣтъ знанія, ни поддержку въ своемъ вышнемъ бытѣ! Не того ли требуетъ отъ насъ христіанское ученіе, которое для блага общественнаго заповѣдуетъ, чтобы *сильные* вносили *немощи* *безсильныхъ* и не себя уюждамъ, но каждый долженъ уюждать ближнему во благо къ назиданію? (Римл. 15, 1. 2.) Не того ли требуетъ отъ насъ и патріотическій долгъ? Простый, рабочій классъ людей въ организмъ нашего отечества имѣетъ тоже значеніе, какое ноги въ нашемъ тѣлѣ.—Но ноги хотя и кажутся ме-

нѣе благородными въ тѣлѣ, однако о нихъ мы болѣе прилагаемъ попеченія, чѣмъ о другихъ членахъ, ибо отъ первыхъ болѣе зависитъ тѣлесное здоровье, и онѣ болѣе нужны. (1. Кор. XII. 23.).

Благомыслящіе и искренніе патріоты и по чувству правды и по любви къ своимъ согражданамъ всегда стремятся къ тому, чтобы они всѣ по возможности пользовались благосостояніемъ, и за то самое любили свое отечество и дорожили имъ. Великіе люди, имена которыхъ сохраняются въ благоговѣйной памяти народовъ, никогда не были довольны однимъ своимъ личнымъ счастіемъ, хотя бы оно было самое блестящее, но желали, чтобы и другіе участвовали въ благахъ жизни. Такъ великій пророкъ и законодатель Моисей, изъ любви къ единоплеменному народу, отказался быть сыномъ дочери фараоновой и пожелалъ лучше страдать съ этимъ народомъ, нежели пользоваться всѣми роскошными удовольствіями и прелестями египетскаго царскаго двора. Прославляемый нынѣ церковію святой благовѣрный князь Александръ Невскій, при своихъ отличныхъ качествахъ ума и сердца, при своемъ мужествѣ, привлекательномъ внѣшнемъ величіи и житейской мудрости, безъ всякаго сомнѣнія, сдумалъ бы устроить счастливую жизнь для себя и своего семейства.... Но вотъ этотъ великій герой—всегда побѣдоносный,—слава о которомъ такъ широко вездѣ распространялась, изъ любви и состраданія къ Русскому народу, терпитъ великія лишенія и смиряется предъ грубымъ, невѣжественнымъ татаринномъ!... Тутъ онъ забывалъ самъ себя и весь погружался въ заботы и соображенія о томъ, какъ бы умалить и облегчить бѣдствія своихъ соотечественниковъ.—Такова бываетъ любовь къ народу, когда она одушевляется силою христіанской вѣры и истиннымъ патріотизмомъ; она *домотерпитъ*; не *юрдится* и не *ищетъ своихъ си.*—(1 Корин. XIII, 4).

Скажемъ, наконецъ, что истинная любовь къ страдающему человечеству не ограничивается одною только внѣшнею благотворительностію, но всегда располагаетъ

къ тому, чтобы богатые непосредственно соприкасались съ бѣдными, счастливые—съ несчастными, образованные—съ необразованными; Апостоль говоритъ:—*благодѣанія и общенія не забываютъ.* (Евр. XIII. 16.) Вспомните, какой примѣръ намъ оставилъ на сей разъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Онъ укрощалъ однимъ словомъ морскія бури и воскрешалъ мертвыхъ, и Онъ же Своею Божественною рукою часто прикасался къ разнаго рода недужнымъ и больнымъ и велъ разговоръ съ мытарями и грѣшниками, отъ которыхъ всѣ отвращались съ презрѣнiемъ и ужасомъ. Этому примѣру Спасителя и мы должны подражать въ своихъ заботахъ о помощи несчастнымъ и страждущимъ. Одна вещественная благотворительность безъ духовнаго общенiя не можетъ внести миръ въ сердца бѣдныхъ и несчастныхъ,—поднять и ободрить упавшiй ихъ духъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ нуждаются въ наставленiи, совѣтахъ и утѣшенiяхъ, а это со стороны благотворителей достижимо только тогда, когда они войдутъ съ первыми въ ближайшее искреннее общенiе.—Мы знаемъ, на какой нравственной высотѣ стояли и какъ были счастливы во внѣшней жизни первенствующiе христiане, когда они были связаны единомудшiемъ и поощряли другъ друга къ любви и добрымъ дѣламъ. Въ этомъ благословенномъ обществѣ царили миръ и любовь, и, что особенно удивительно, тамъ не было между ними ни одного *нищанаго*, (Дѣян. гл. IV. 34), не смотря на то, что оно было гонимо и притѣсняемо со всѣхъ сторонъ врагами христiанства. Не то мы видимъ теперь въ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ городахъ христiанской Европы, блистающихъ роскошью и искусствами. Въ Лондонѣ и Парижѣ и другихъ знаменитыхъ городахъ мы встрѣчаемъ на ряду съ удивительнымъ богатствомъ десятки и даже выше—сотни тысячъ бѣдныхъ, претерпѣвающихъ такiя страданiя и лишенiя жизни, одно представление которыхъ наводитъ невольный ужасъ.—А за тѣмъ, сколько скрывается тамъ зависти и ненависти въ низшихъ, обездоленныхъ классахъ общества и въ числѣ богатыхъ! Сколько иногда и проявляется между

ими сильной взаимной вражды и злобы!... И это отъ того, что нынѣшніе христіане, рассуждая уже очень много объ экономическихъ вопросахъ, *правовыхъ* порядкахъ и соціальныхъ правилахъ жизни, очень мало, или даже совсѣмъ не заботятся объ образованіи людей въ духѣ христіанской любви, которая заповѣдуетъ взаимно облегчать тягости жизни другъ у друга. По внушенію *житейской гордости*, они не желаютъ подражать примѣру Спасителя, Который, по слову Апостола, *не стыдился* Своихъ соотечественниковъ называть *братією* (Евр. 11, 11.) и принималъ въ скорбяхъ и несчастіяхъ ихъ непосредственное участіе. Можетъ быть, кто скажетъ, что такое общеніе тяжело и невозможно для людей образованныхъ и благородныхъ,—въ народѣ такъ много невѣжества, грубости и разныхъ пороковъ, что онъ имъ невольно отталкиваетъ отъ себя.—Такъ-ли? Кто ближе познакомится съ нимъ, тотъ, напротивъ, найдетъ весьма много въ немъ достоинствъ и такихъ уроковъ, которые весьма было бы полезно усвоить и воспитанникамъ современной цивилизаціи, во многихъ отношеніяхъ растлѣвающей и губительной. Въ простыхъ людяхъ—этихъ дѣтяхъ природы—сохранилось въ цѣлости еще много возвышенныхъ свѣтлыхъ христіанскихъ убѣжденій, которыя въ образованномъ обществѣ большею частію—давнымъ давно вытравлены свѣтскою ученостію. —Есть много и добродѣтелей въ этихъ бѣдныхъ хижинахъ—въ этихъ грудяхъ, покрытыхъ рубищемъ, и при томъ такихъ, которыя, подобно Евангельскому Лазарю, прямо возносятъ этихъ уничтоженныхъ людей на лоно Авраама. Нужно опредѣлять достоинство людей не внѣшними признаками, но внутренними качествами. А чтобы знать послѣднія, нужно ближе и внимательнѣе разбирать членовъ человѣческаго общества. Не распространяясь болѣе по сему вопросу, скажемъ кратко: мы христіане, по самому призванію своему, должны носить въ себѣ *тѣже чувствованія, какія были и съ Иисусъ Христъ*, Который для спасенія людей *уничтожилъ Себя Самого*.... *принявъ образъ раба*. (Фил. 11, 5—7). Въ видѣ бѣдныхъ, несчастныхъ и

страдающихъ Онъ и теперь стоитъ всегда предъ нами,—и кто стыдится имѣть общеніе съ первыми,—тотъ стыдится Самого Иисуса Христа и Его ученія; *а кто постыдится Меня и Моихъ словъ, сказалъ Онъ, того постыдится Сынъ человѣческій, когда придетъ во славу Своей и Отца, и святыхъ Ангеловъ.* (Лук. IX, 26.) Аминь.

Ректоръ семинаріи протоіерей Петръ Лосевъ.

Отреченіе невѣрующаго отъ своего ученія.

Страшный, мучительный, смертельный недугъ сводилъ свои послѣдніе счеты съ молодою жизнію прекрасной, умной пятнадцатилѣтней дѣвочки. Бѣдному дитяти оставалось жить лишь нѣсколько минутъ. Она попросила позвать своего отца невѣрующаго, атеиста, и взяла его за руку.

— „Милый папа, я скоро умру: скажите мнѣ совершенно серьезно, должна ли я вѣрить тому, что вы такъ часто говорили въ моемъ присутствіи, что нѣтъ ни Бога, ни рая, ни ада; или же мнѣ вѣрить тому, что я учила въ Катихизисѣ и что подтверждала мнѣ моя покойная мама“?

Отецъ стоялъ, какъ оглушенный громомъ; потомъ, наклонившись къ постели больной, сказалъ прерывающимся отъ рыданій голосомъ:

— „Дитя мое, доброе дитя мое, вѣрь „только“ тому, что говорила тебѣ мать и что ты учила въ Катихизисѣ“.

(Рук. для с. п. № 10, 1884 г.)

Содержаніе:

—1) Слово въ день Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича. Ректора семинаріи протоіерея Петра Лосева.—2) Отреченіе невѣрующаго отъ своего ученія.

Редакторъ Н. Суворовъ.